

Тёплая осень 1964-го

Нина Хрущёва

«Не прошу милости — вопрос решён» — так Никита Хрущёв завершил своё выступление 14 октября 1964 года на заседании Президиума ЦК КПСС, где решался вопрос о его отставке. Смещение партийного лидера готовилось несколько месяцев.

▼ Первый секретарь ЦК КПСС Никита Хрущёв.
Москва, 1 июля 1964 года

В начале октября 1964 года, отправляясь в Крым и Пицунду, Хрущёв взял с собой конституционные материалы. Он хотел представить проект текста новой конституции на ноябрьском пленуме, чтобы окончательный вариант был готов уже к следующему, 1965 году.

По проекту, полномочия должностных лиц должны были ограничиваться, советы всех уровней обновляться на треть на каждых выборах, а сама конституция объявлялась «конституцией общенародной социалистической демократии» и предусматривала «переход к общему коммунистическому самоуправлению», что предполагало автономию директоров заводов и фабрик. Аппаратчикам эти новшества были, конечно же, не по душе.

В рамках демократизации системы управления речь шла и о повышении независимого статуса Верховного Совета. Ходили слухи о планах Первого (так называли в партийной среде первого секретаря ЦК) организовать конкурентные выборы с несколькими кандидатами и создать в СССР две потенциальные партии, рабочую и крестьянскую, которые также конкурировали бы между собой. Собирался Хрущёв ввести и пост избираемого президента. Кроме того, по слухам, он намеревался использовать ноябрьский пленум для омоложения аппарата. Все эти нововведения должны были сопровождаться новой фазой десталинизации с переоценкой итогов коллективизации и войны.

Все эти слухи добавляли стресса членам ЦК и Политбюро, заставляя их волноваться о стабильности системы и о собственной карьере. Особенно нервничал второй секретарь ЦК Леонид Брежнев, только что — в июле 1964-го — уволенный с поста

В последние кремлевские годы Хрущёв не раз сетовал: «Можно подумать, что как первый секретарь я могу изменить что угодно в этой стране. Какие бы изменения я ни предлагал, всё остаётся по-прежнему».

▶ Косыгин, Подгорный, Шелест уезжают с дачи Хрущёва в Крыму. Семейный архив Нины Хрущёвой, август 1964 года

Председателя Президиума Верховного Совета СССР. А годом ранее на пленуме ЦК Хрущёв разделил работу второго секретаря между двумя членами Президиума — Брежневым и первым

Особенно нервничал второй секретарь ЦК Леонид Брежнев

секретарём ЦК компартии Украины Николаем Подгорным. Оба были назначением недовольны: Брежневу приходилось делить власть, а Подгорный терял управление собственной украинской вотчиной. Этой перестановкой Первый создал себе не помощников, а противников.

Став одним из главных локомотивов заговора по смещению Никиты Сергеевича, в тройку вошёл и Пётр Шелест, новый украинский начальник, которого Хрущёв тоже продвигал по карьерной лестнице. Позднее Шелест вспоминал, как ещё в феврале, на его дне рождения, Брежнев и Подгорный осторожно начали расспрашивать украинского коллегу о его отношениях с первым секретарём, приговаривая, как всем трудно, потому что «Хрущёв уже никого не слушает». В другом разговоре

с Шелестом Брежнев сказал ему: «Никита» собирает компромат, чтобы «избавиться от нас всех».

Усвоив уроки 1957 года, когда Хрущёв сумел обойти Президиум, апеллируя напрямую к ЦК, Брежнев и его сторонники были полны решимости заручиться поддержкой большинства перед тем, как начать действовать. Все изначально вовлечённые в заговор должны были «проработать» других членов ЦК. Высокопоставленные партийные чиновники на местах отвечали за «правильный» подход

▼ Первый секретарь ЦК КП Украины, член Президиума Политбюро ЦК КПСС, заместитель Председателя Совета Министров СССР Пётр Шелест. 1970 год

▶ Председатель Президиума Верховного Совета СССР Леонид Брежнев прикрепляет к груди Первого секретаря ЦК КПСС Никиты Хрущёва орден Ленина и «Золотую Звезду» Героя Советского Союза. Москва, 16 апреля 1964 года

к Хрущёву среди своих подчинённых. Лето для такого плана подходило идеально. Представители высших слоёв номенклатуры отправлялись в ежегодные отпуска в санатории Крыма и Кавказа и там в спокойной обстановке могли побеседовать с местными руководителями.

Никакое планирование такого рода не могло проводиться без участия органов. Глава КГБ Владимир Семичастный был сразу вовлечён в процесс, некоторые даже называют его главным инициатором вместе с Шелестом.

Сам Семичастный свою инициативу активно отрицал, якобы вообще потрясённый жестокостью намерений брежневской оппозиции. По его рассказу, Леонид Ильич зондировал руководителя госбезопасности по поводу возможности физического устранения первого секретаря: «Яд, например, или пуля?» А может, арестовать? Но Семичастный, по его версии, был категорически против: «Мы не заговорщики, и надо решать этот вопрос законным путём».

3 июля Брежнев снова навещал Шелеста в Украине; опять давил

аргументами, что Хрущёв всех оскорбляет, принимает все решения сам, с ним невозможно работать. Тогда же в крымской Мухоматке отдыхал и Подгорный, ещё один заговорщик, и они обрабатывали Шелеста поочередно и вдвоём.

Всё же подготовка шла не очень гладко; проблема была не только в боязни Брежневым Хрущёва и в его нерешительности сказать окончательное «да», но и в украинской поддержке Никиты Сергеевича, особенно от Ольги Иващенко, входившей в президиум ЦК КП Украины. Семичастный беспокоился о возможном разоблачении. И только после того, как Хрущёв заявил на расширенном заседании Президиума 26 сентября, что он уже утвердил тезисы речи на ноябрьском пленуме и что окончательные решения по конституции и кадрам он примет во время отпуска, дело начало набирать обороты.

Хрущёва не раз предупреждали о заговоре

«Вот соберём пленум, — пообещал первый секретарь, — там поставим каждого на своё место, укажем, как кому и где надо работать». Брежнев решил, что если дело дойдёт до пленума, то ему, может быть, первому «укажут место».

Невероятная загадка этого переворота в том, что было сделано несколько попыток предупредить Хрущёва о надвигающейся опасности. По меньшей мере четыре дошли до адресата, но он решил им не верить.

Несколько намёков на происходящее получила Рада Никитична, дочь Хрущёва. Но она им не особенно поверила и только вскользь передала их своему мужу — Алексею Аджубею.

По словам одного из заговорщиков Геннадия Воронова, «Брежнев в списке членов ЦК ставил против каждой фамилии плюсы (кто готов поддержать его в борьбе против Хрущёва) и минусы. Каждого индивидуально обрабатывали».

▲ Николай Игнатов

▲ Николай Миронов

▲ Дмитрий Полянский

К самому Аджубею поступила весточка из Грузии о возможном государственном перевороте. «Грузины вообще Хрущёва не любят», — отмахнулся Алексей Иванович. Он дружил с Семичастным и Шелепиным; они ходили друг к другу в гости — «Алёша», «Володя», «Шурик» — а главное, он помогал продвигать их образ в глазах первого секретаря, поэтому не мог представить, что «Володя» и «Шурик» могут что-то замышлять против своего благодетеля и, по касательной, против Аджубея, своего друга.

Информация пришла и от моей мамы Юли и Лены, младшей дочери Никиты Сергеевича. Обе девушки дружили со Светой Серовой. Её отец Иван, бывший начальник КГБ и ГРУ, узнал о заговоре от «своих» и передал, чтобы «Никита Сергеевич был осторожен». Заодно, вспоминала мама, не преминул попенять: если бы его не сняли, «папа бы ваш как сыр в масле катался под моей охраной». Они, запинаясь и неловко себя чувствуя,

▼ Хрущёв и Микоян в Пицунде. 1963 год

сказали это «папе» вечером в кабинете после ужина, на что он ответил, что «Иван всё придумывает и цену себе набивает».

Предупреждал Никиту Сергеевича и его зять Виктор Гонтарь. Директор Киевской оперы, Гонтарь всё время крутился вокруг важных персон, хотя тестя своего, судя по воспоминаниям, не любил. Брежнев, кстати, пытался и Гонтаря переманить на свою сторону, причём на собственной даче Хрущёва в Крыму. Пока Никита Сергеевич разъезжал по целине, туда, на «первую» дачу, ненадолго

приехала Нина Петровна с дочерью и внуками. В том августе у них собирались наездами и Косыгин, и Полянский, и Подгорный — все улыбаются, расшаркиваются, выпивают за столом и прогуливаются вокруг бассейна. Были и ничего не подозревающие иностранные гости, например, Кадар из Венгрии, которых Леонид Ильич «по старшинству», в отсутствие главного, принимал у себя на «второй» даче.

Поведение Брежнева тогда всех поразило. Он вёл себя по-хозяйски и у Хрущёвых, и у себя. Одетый всё ещё подобострастно в украинскую вышиванку а-ля Хрущёв, он говорил бесконечные тосты за Первого, читал

свои стихи — никто до этого и не знал, что он поэт, но при этом не дал слова Нине Петровне, когда та пыталась сказать, что, в общем-то, хватит пить и пора расходиться. Он её так обрезал, что у неё на время пропал дар речи.

После обеда Леонид Ильич, уже пьяноватый, полез в бассейн. Вода была холодная, начальник охраны за ним идти отказался, и Гонтарю «пришлось лезть вместе с ним». Там-то Брежнев и стал изливать душу директору оперы, найдя в нём «сочувствие и понимание»; жаловался и говорил, что первого секретаря надо срочно убирать, а то всем не поздоровится; оба ругали Хрущёва за «отсутствие хлеба» и за всё остальное.

Самая известная история о заговоре принадлежит, конечно, Сергею Хрущёву. В середине сентября Сергею позвонил некто Виктор Галюков, охранник из КГБ, и предложил конспиративно встретиться на Кутузовском проспекте, рядом с домом 30/32, где мы тогда жили; в соседнем доме под номером 26, кстати, был прописан сам Леонид Ильич. Галюков предупредил о готовящемся перевороте Сергея, а Сергей отца, но Хрущёв интереса к этой информации не проявил и попросил Микояна разобраться. Анастас Иванович с Галюковым встретился, Сергей их разговор записал, но Микоян тоже, кажется, не насторожился, полагая, что «доносчик» искренен, но явно преувеличивает, и в его рассказе много нестыковок.

В центре этого сюжета был Председатель Президиума Верховного Совета РСФСР Николай Игнатов, охранником которого был Галюков. Когда-то спасатель Хрущёва от «антипартийной группы», Игнатов смертельно на него обиделся после исключения из Президиума ЦК и перевода из союзного Совмина в структуры РСФСР. По Галюкову, одна группа заговорщиков во главе с Брежневым и Подгорным опасалась, что нужная им «стабильная» система власти

▲ Ворошилов, Микоян, Хрущёв на госдаче в Пицунде. 1963 год

находится под угрозой, другая, более молодого, «комсомольского» поколения лидеров (Шелепин, Семичастный), волновалась, что Первый, наоборот, остаётся пленником прошлого.

По воспоминаниям Сергея, Никита Сергеевич не поверил: «Брежнев, Подгорный, Шелепин — совершенно разные люди. Не может этого быть, — в раздумье произнёс он. — Игнатов — возможно. Он очень недоволен, и вообще он нехороший человек. Но что у него может быть общего с другими?»

Хрущёв пригрозил, что после отпуска со всеми разберётся

Ключевая роль в объединении двух группировок заговорщиков принадлежала Николаю Миронову, генерал-майору КГБ, возглавлявшему могущественный отдел административных органов ЦК КПСС и в силу этого считавшемуся одной из ключевых фигур в советской партийно-политической номенклатуре. Когда-то он тоже, кстати, был связан с Украиной, вырос в Днепродзержинске и Днепропетровске и с юных лет вроде был близко дружен

с Брежневым. О степени его влияния на высшее руководство страны ходили легенды. Именно он дёргал за ниточки своего протеже Шелепина, который пока был слишком молод, чтобы стать первым секретарём. Миронов, будучи в центре интриг, делал ставку сразу и на Брежнева, и на Шелепина, чтобы после смещения Хрущёва «железный Шурик» мог стать удобным противовесом Леониду Ильичу.

Всё лето 1964-го Миронов собирал материалы для ноябрьского пленума. Готовила их группа во главе с Шелепиным и Полянским, которые таким образом могли собирать и другие материалы, необходимые для осуждения Хрущёва. А тот, после всех намёков и предупреждений, не нашёл ничего лучшего, как 28 сентября, перед самым отъездом на юг, сказать Подгорному: «Идут разговоры, что существует какая-то группа, которая хочет меня убрать, и вы к этой группе причастны». Николай Викторович возмущённо сделал вид, что не понимает, о чём идёт речь. 11 октября Хрущёв позвонил Полянскому, которого вместе с Подгорным оставил в Москве за главных, и опять пригрозил, что знает об интригах и со всеми разберётся после отпуска.

Теперь оппонентам надо было действовать быстро, и то, что Первый сначала уехал из Москвы

в Крым, а потом присоединился к Микояну в Пицунде, ещё больше развязало им руки.

Однако, несмотря на активность заговорщиков, таких важных фигур, как Косыгин и Сулов, вовлекали осторожно, хотя оба были частыми объектами недовольства Хрущёва. Но у обоих были и свои соображения, почему овчинка, может быть, не стоит выделки. По воспоминаниям Шелеста, Сулов был в ужасе, предвещая, что переворот перейдёт в гражданскую войну. Косыгин же хотел, чтобы КГБ был на стороне заговора. Продолжал вилять и главный заговорщик Брежнев. Раз Хрущёв в курсе происходящего, он наверняка исподтишка собирает защиту, а Семичастный уже отказался его убивать...

После звонка Хрущёва с пицундской дачи Полянский начал срочно предупреждать членов Президиума, что время не ждёт, и все наконец-то собрались у Брежнева 12 октября. Встреча длилась долго. Сначала нужно было договориться, как заставить Первого прервать отпуск. Решили, что он должен вернуться, чтобы прояснить свои экономические и сельскохозяйственные планы. Пятилетка теперь будет семь или восемь лет? Потом надо было точно решить, какие обвинения победительнее предъявить ему на срочно организованном чрезвычайном пленуме ЦК. В результате согласились на следующей формулировке: из-за «отсутствия ясности по принципиальным вопросам, предназначенным для обсуждения на ноябрьском пленуме, и разработке пятилетнего плана», Хрущёв должен прибыть в Москву на заседание Президиума 13 октября.

12 октября в девять вечера неожиданно раздался телефонный звонок: то ли настойчивый Сулов, то ли очень нервный Брежнев, по разным воспоминаниям, потребовал от Первого вернуться в столицу на следующий день. Хрущёв сперва

На одной из встреч заговорщики вскользь обсуждали возможность оставить Хрущёва на посту премьер-министра, забрав у него роль первого секретаря, но Брежневу идея категорически не понравилась и успеха не имела.

не хотел, но поняв, что отпираться бессмысленно, согласился. Повесив трубку и повернувшись к Микояну, он сказал: «Нет у них никаких проблем с сельским хозяйством. Звонок был связан с тем, что говорил Сергей... Я бороться не стану».

Все знаки изоляции были уже налицо. Обычно на черноморской даче номер девять кипела жизнь. Хрущёв любил принимать здесь гостей. Но в октябре 1964-го на террасе у бассейна принимать было некого: почти тишина, визитёров мало — делегации Японии, Пакистана, Франции, а другие, свои, якобы не хотят беспокоить. Вдруг поменялся и начальник охраны. Годами Никиту Сергеевича сопровождал Никифор Литовченко, а тут появился его заместитель Василий Бунаев.

▼ Северный фасад госдачи в Пицунде, бывшей резиденции Хрущёва. Фото 1970-х годов

Хрущёв отдыхать не любил, плавал для физической нагрузки, а к загоранию относился с презрением. Отдых для него был переменной обстановки, но не порядка жизни. Его должно было сопровождать упорство, с которым его отправляли на каникулы соратники. Об этом он сам сказал 29 сентября президенту Индонезии Сукарно, находящемуся в Москве с визитом: «Дорогой брат Карно! Завтра я уезжаю. Все уговаривают меня отдохнуть: и мои товарищи, и врачи, — хотя я сам чувствую себя прекрасно».

Хрущёв с Микояном улетели из Пицунды 13 октября около 13:00, но поскольку первый секретарь организовал своего пилота Николая Цыбина, а не заказал самолёт через Семичастного, трепещущий Брежнев названивал в КГБ каждый час, пока наконец не узнал, что Хрущёв не передумал и да, летят!

Когда около трёх часов необычно тёплого октября дня они приземлились во Внукове, самолёт встречал практически один Семичастный, а не многочисленные члены партии и правительства по установленному к тому времени порядку.

Никита Сергеевич сел в машину и, не заезжая домой, отправился на заседание Президиума ЦК... ▼

